

УДК 94(47).045

**СОБИРАЯ ДРЕВНЕРУССКОЕ НАСЛЕДСТВО:
ДИСКУРСЫ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ
В ХРОНОГРАФАХ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.
И В ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ**

© 2017 г.

И.А. Прохоренков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

prohorenkovigor@gmail.com

Поступила в редакцию 01.02.2017

В современной историографии трактовка Древней Руси как определенной начальной точки для истории всего восточнославянского мира очень распространена. Тем не менее дискурсы восприятия и адаптации древнерусского наследства в восточноевропейском регионе существенно изменялись с течением времени. Цель настоящей статьи – на основе анализа нарративных источников XVI – первой четверти XVII в. выявить основные повествовательные дискурсы русской истории и географии в польско-литовской и русской традициях историописания. Изучив соответствующие сюжеты в восточноевропейских нарративах и русской хронографии, мы поймем, какое же в действительности место книжники-интеллектуалы отводили русским землям как в мировом контексте, так и в истории собственных государств.

Ключевые слова: древнерусское наследство, хронографы, восточноевропейские нарративы, Смутное время.

Летописный вопрос «откуда есть пошла русская земля» актуален в исторической науке и по сей день. Перед исследователем, который пытается разгадать эту нелегкую загадку, рано или поздно появляется еще одна сложная задача: для того, чтобы заниматься поисками корней «русской земли», прежде всего необходимо установить, что конкретно под этим пространственным концептом понимал сам летописец [1, с. 101–102; 2, с. 10–15]. Анализ бытования в русских летописных сводах XI–XIII веков терминов «Русь» и «русская земля» выявил два их основных значения – узкое и широкое [3, с. 104]. В узком понимании в источниках подразумевались земли Южной, Днепровской Руси (зачастую тождественные территориям Киевского или Черниговского княжества). В широком значении за термином «русская земля» скрываются обширные территории, раскинувшиеся от склонов Карпатских гор и до междуречья Дона и Волги, от Причерноморских степей и до побережья Финского залива и Белого моря.

Однако представления о русских землях в источниках совершенно не статичны и развивались в зависимости от актуальной политической ситуации в регионе. Особо интересной нам представляется проблема трансформации дискурсов истории и географии «русского пространства» в XVI–XVII веках – в эпоху практически непрерывающейся конкуренции за земли из древнерусского наследства между Речью Посполитой и Московским государством.

Борьба за приобретение новых и удержание старых территорий происходила вовсе не толь-

ко на полях сражений – настоящая война протекала и на интеллектуальном фронте, когда польские и московские книжники в нарративных источниках пытались доказать исключительные права именно своего государства на русские земли.

Цель настоящей статьи – выявить и сравнить между собой две крайне непохожие нарративные модели интерпретации сущности «русского пространства», содержащиеся в московской и польско-литовской хронографии XVI – первой четверти XVII века. Между выбранными нами типами источников – польско-литовскими историческими нарративами и русскими хронографами – есть одно важное сходство: они конструировали не локальные, но региональные модели истории. При создании широкомаштабных исторических картин авторам пришлось детально систематизировать описываемые сюжеты: упоминаемые в источниках русские земли получили свое особое место и роль в истории региона, а также свой собственный уникальный исторический контекст.

По нашему мнению, обзор польско-литовских нарративов невозможен без упоминания Яна Длугоша, краковского хрониста, в историографии считающегося своеобразным отцом польской исторической литературы эпохи Ренессанса [4, с. 72–74; 5, с. 5–10]. Уже в самом начале своего сочинения *Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae* Длугош переосмысливает установившиеся традиции леген-

ды о трех братьях – славянских патриархах Чехе, Лехе и Русе [6, с. 145–170]. Определенные детали этого сюжета неоднократно критикуются хронистом: «Некоторые селятся утверждать, что Рус был не потомком, а братом Леха, и вышел вместе с ним и третьим братом Чехом из Хорватии...» [7, с. 220]. Длугош же отстаивал идею именно вертикальных родственных связей между Лехом и Русом: «...восточная земля спустя долгое время была заселена и освоена одним из *потомков* (курсив мой. – И.П.) Леха, который звался Русом...» [7, с. 218].

Длугош выдвигает очень любопытную идею: по его мнению, киевские *поляне* – это на самом деле *поляки*, которые эмигрировали на восток из Польши после угасания рода Леха и начала междоусобиц [8, с. 298–299]. Вся русская история для Яна Длугоша от «исхода» полян из Польши и до образования в составе польской короны в 1434 году отдельного русского воеводства – это история заблудшего народа, который необходимо было любым путем вернуть на свою историческую Родину.

Чуть большую независимость русские земли получили в историко-географическом сочинении Матвея Меховия *Tractatus de duabus Sarmatiis*, которое внесло существенные новшества в польско-литовскую нарративную традицию в вопросах географического описания восточноевропейского региона [9, с. 23–30]. Принципиальное отличие взглядов Меховия от воззрений более ранних хронистов на эти земли заключается в том, что его предшественники проводили интеллектуальные границы именно по политическим пунктам – городам и замкам. Меховий же в основном использует географические объекты в качестве универсальной системы ориентиров [10, с. 95].

Долгое время московскому народу польские интеллектуалы отказывали не только в генеалогических связях с Русью, но и в собственном патриархе-прародителе. Эту ситуацию в польско-литовской историографии XVI века изменил Бернард Ваповский (1450–1535). «История Короны Польской и Великого княжества Литовского» – такое название получило сочинение Ваповского в историографии XIX века. Сам же автор ни закончить хронику, ни озаглавить ее ввиду своей смерти не успел [11, с. 178–181]. Именно Бернард Ваповский считается автором-интродуктором нового славянского патриарха, дискуссии о котором захлестнули польскую историографию XVI–XVII веков [12, с. 25–28]. В хронике Ваповского появляется Мосох (Мезех) в роли основателя Москвы и прародителя всех славян. Матей Стрыйковский так цитирует Ваповского: «Поскольку славаки, или словяне,

предки наши, прозвались от озера Словеного, которое расположено в Московских пределах, то поляки, чехи, болгары и прочие славаки и русаки происходят от Мосоха или Москвы, сына Иафетова, и вышли из краев Московских. Так говорит Ваповский» [13, с. 102–103].

Любопытно отметить реакцию на идеи Ваповского Мартина Кромера, автора хроники *De origine et rebus gestis Polonorum...* который призывал других авторов отказаться от поисков каких-либо первопредков [14, с. 181]. Кромер считал, что выведение народа от какого-либо патриарха «...albo do bogów fałszywych odwoływają się, albo od potope świata i korabia Noego zaczątek swój wywodzą» [15, s. 11] – не более чем суеверие, а те историки, что занимаются поисками библейских праотцев, делают совершенно бессмысленную работу. В частности, обезличенная история русского этногенеза в сочинении Кромера выглядит так: некогда русские земли были населены еще античным авторам известными племенами роксоланов. Далее роксоланы покидают эти территории, на которых остаются местные маленькие разрозненные племена славян. Славяне принимают и адаптируют этноним «роксоланы», трансформируя его в «ройсы» [15, s. 18], а позже – в «руссы/русские».

Куда более сложным для Мартина Кромера оказался «Московский» вопрос [16, с. 10–17], которому была полностью посвящена 9-я глава первой книги, получившая заглавие *Moschi unde, et quando appellari coepti*. Соглашаясь с Ваповским в вопросе о самобытности московитов, Кромер все-таки пытается установить степень родства между Москвой и Русью. Интересно, что различные переиздания *De origine et rebus...* (при жизни автора было создано 4 редакции) дают совершенно разную информацию, – мы имеем целый спектр мнений в разных изданиях, где одним полюсом было полное отрицание родственных связей между русскими и московитами, а другим – признание происхождения руси от «москов».

В 1551 году выходит первое в истории Польши оригинальное полноязычное¹ историческое сочинение – *Kronika wszystkiego świata* Мартина Бельского (1495–1575). Со второй половины XVI века концепт «Руси» в польской исторической литературе начинает дробиться. Бельский был одним из первых славянских авторов², писавшим о том, что «Русь» существует вовсе не одна: в текстах его хроники появилась «Великая Русь», разделенная границами Литовского и Московского государств, и «Малая Русь» – полностью тождественная Руси Яна Длугоша, которая входила в состав польской

короны [17, s. 426–427]. Рефлексируя по поводу успехов Москвы во внешней политике и экспансии русских земель, автор раздробляет Русь на части, определяя их границы политическими рубежами противоборствующих государств [17, s. 427–428]. Эта идея оказала серьезное влияние на многие последующие нарративы [18, с. 66–74]. В частности, распад единого этногеографического концепта Руси был зафиксирован такими хронистами, как Матей Стрыйковский и Александр Гваньини.

Начиная свои рассуждения по поводу происхождения славянского и русского народа, Матей Стрыйковский замечает, что «легче распутать узел на Гордиевом возу» [19, s. 88], чем ответить на этот сложный вопрос. В своих разысканиях о происхождении славян и появлении этнонима «русь» Стрыйковский и Гваньини солидарны друг с другом: русь и русские – это славянские племена, получившие свое название от слова «рассеять», так как они «рассеялись» по огромным территориям [19, s. 111]. В свою очередь, славянами эти племена прозвались от той воинской славы, что они стяжали под стенами Трои [19, s. 96].

Куда более интересными представляются нам идеи авторов о месте русских земель в мировой истории. В хронике Александра Гваньини мы можем найти следующий пассаж: *Ale imię swoje Ruś skąd by miała, o tym nam teraz mówić potrzeba: Kronikarze starszy rozumieją, że od Russa, wnęka Lechowego, są tak nazwani, co byż nie może, bo Ruś **dobrze jest starsza** (выделено мной. – И.П.) niżeli Lech, przodek nasz tu przyszedł...* [20, s. 1]. Хронист, провозглашая древность Руси, автоматически идет на разрыв с созданной еще Яном Длугошем традицией генеалогического подчинения Руси Польше. Русь сразу выступает на страницах хроники Гваньини как сильное самостоятельное княжество [20, s. 3], которое не просто не было вторичным и зависимым, но само впоследствии породило новые племена и народы.

Еще более необычным в вопросах интерпретации русской истории выглядит текст Матея Стрыйковского. В основу воззрений литовского хрониста легли представления Бернарда Ваповского о Мосохе как о прародителе всех славян: *A iż ty narody: Sarmatskie, Bulgarskie, Ruskie, Gotskie, Polskie, Wołyńskie, Wandalskie, Czeskie, od Japhetowego syna Mosoha spłodzone...* [19, s. 107]. В своих умопостроениях Матей Стрыйковский приходит к интересным выводам об отношениях между Польшей и Русью: «Народы русские славянские (narody Ruskie Sławańskie) размножились и широко разошлись, обретая новые названия... Волинцы от Волги, Морав-

цы от Моравы реки... поляки от полей и от **полян – другого народа русского** (выделено мной. – И.П.), которые в тех местах обитали, где сейчас город Киев (стоит)...» [19, s. 111–112]. Иными словами, здесь мы видим перевернутую с ног на голову теорию Яна Длугоша, когда уже не киевские поляне происходят от поляков, но все протекает строго наоборот.

Таким образом, если для краковского каноника Яна Длугоша Русь – это отколовшийся от Польши осколок, который надо было вернуть, то у Стрыйковского все наоборот, и присоединение Руси к Польше превращается на страницах его хроники в своеобразное возвращение поляков к своим истокам.

Представления о русской истории и географии после издания хроник Стрыйковского и Гваньини не подвергались более каким-либо серьезным переосмыслениям вплоть до второй половины XVII века, когда в польско-литовской исторической традиции обращение к этим вопросам уже было вызвано восстанием Богдана Хмельницкого и русско-польской войной 1654–1667 гг., что выходит за поставленные нами хронологические рамки.

Переходя к выбранным нами русским источникам, еще раз остановимся на одном важном вступительном замечании – те выводы, к которым мы придем, легитимны преимущественно именно в рамках исторических памятников, моделирующих региональные картины истории. То восприятие русской истории и географии, которое нам показывают хронографы, не соответствует, например, отдельным русским летописным сводам.

«Хронограф», или «Хронограф русский» (далее – Х.Р.), представляет собой особый класс памятников русской письменности. Хоть структурно событиям русской истории в хронографах, в отличие от летописей, отводится куда меньше места, но, тем не менее, именно в этом типе источников историко-географический дискурс описания русских земель инкорпорировался в общемировой исторический контекст.

Для того чтобы проведенный нами обзор содержания хронографов, а также выявленные в них «русские» разделы показать более наглядно, мы прибегнем к построению статистических диаграмм при изучении тех редакций, списки которых не сильно разнятся между собой.

Диаграмма на рис. 1 демонстрирует тематическое содержание хронографа 1512 года, также известного как хронограф первой редакции³.

Священная история (39%) во всех хронографах занимает доминирующее положение. Эта категория охватывает период от сотворения мира и до «Александрии» – полумифических

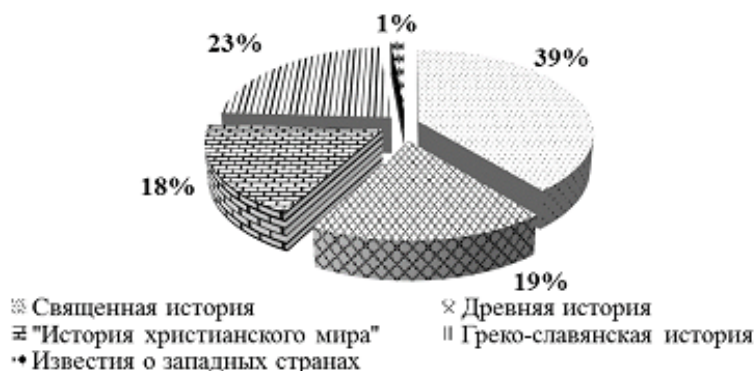

Рис. 1. Доля различных тематических разделов в Х.Р. 1512 года

сюжетов о жизни и деяниях Александра Македонского. *Древняя история* (19%) также практически во всех списках имеет четкие границы – от «Александрии» и до начала царствования Константина Великого. «*История христианского мира*» (18%) – названием для этой рубрики послужила цитата, встречающаяся во многих списках хронографов всех трех редакций, которой открывается начало царствования Константина Великого. Этот раздел во многом тождествен истории Византии. *Славяно-греческая история* (23%) – единственный раздел, не имеющий выделенных авторских границ. Во всех трех редакциях хронографов греческая история с императоров Михаила III и Василия Македонянина распадается уже на множество разновекторных направлений – на мировую арену в хронографе впервые выходят славянские народы: сербы, болгары, русь, поляки и т.д. Однако авторское завершение у этой категории есть: концом славяно-греческой истории в хронографах служит падение Константинополя.

Картина раннеславянского/русского этногенеза практически идентична в хронографах первой и второй редакции. Все славяне произошли от патриарха Иафета, сына Ноя, а славянский язык был одним из наречий, появившихся после Вавилонского смешения языков: «Отъ седми же десять и двою языку единъ бысть Словенскій языкъ, отъ племени Афетова...» [21, с. 345]. Славянской прародиной в Х.Р. первой редакции выступает Болгарская земля и Дунай – «По мнозехъ же временехъ сели суть Словене по Дунаю, где есть ныне Оугорская земля и Болгарская, и отъ техъ Словенъ разыдошася по земли...» [21, с. 345]. После описания исхода части славянских родов с Дуная составитель хронографа интерполирует в свой материал хорошо известный любому отечественному историку текст ПВЛ о расселении восточнославянских племен.

Сербы, болгары и русь для составителя хронографа 1512 года – это вписанные в контекст византийской истории дикие племена, приносящие много вреда своим цивилизованным соседям. В хронографе 1512 года Русь/русская земля – всего лишь один из агентов мировой истории, ни в коем случае не более важный, чем другие.

Вызывает интерес набор исторических героев в хронографах, который совершенно не совпадает с канонами современного отечественного историописания. Такому персонажу, как Владимир Мономах, чье княжение в российской историографии служит своеобразным хронологическим рубежом между древнерусским периодом и эпохой раздробленности, в списках хронографа 1512 года уделяется не более 4–5 рукописных строк.

Составители хронографов выделяют совершенно иную фигуру, с чьим правлением, по их мнению, и совершается переход от древнерусских сюжетов уже к «новой» истории. На страницах Х.Р. таким князем был Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, с деятельностью которого в текстах ассоциируется появление Великого княжества Московского [21, с. 390].

Князь Всеволод Юрьевич появляется в Х.Р. в связи с интересными обстоятельствами – во всех редакциях хронографов (кроме западно-русской) можно найти следующий фрагмент: «В лето 6712 явися ино знаменіе веліе на небеси: три солнца на востоце, а четвертое на западе, а посреди них небеси яко мѣсяць, подобень дузе, и стояху ото оутра до полудие» [21, с. 390]. Год указанного явления, пришедшегося на правление Всеволода Юрьевича, в современном календаре соответствует 1204 г. н.э. В этот год произошел захват Константинополя участниками IV крестового похода. Константинополь – «солнце на западе» – на некоторое время исчез с исторического небосклона, но ему на смену пришли три новых «восточных» светила. Что же это за три солнца? Составитель хронографа

отвечает на этот вопрос через композицию и подбор материала в своем сочинении. Следом за падением столицы Византии в Х.Р. описыва-

текста. Обратные пропорции – пространное повествование о западных сюжетах и крайне сжатую русскую историю мы находим в хроногра-

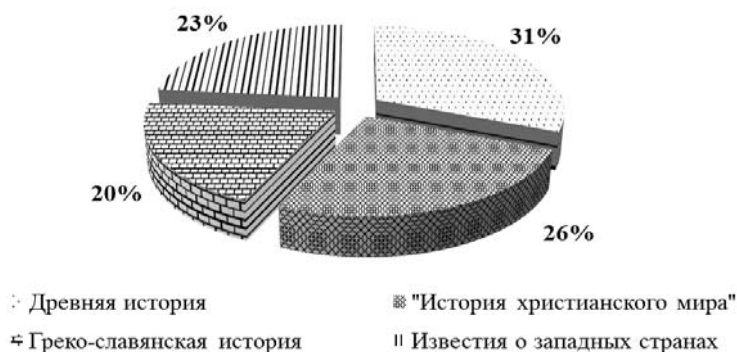

Рис. 2. Доля различных тематических разделов в хронографе западно-русской редакции

ется расцвет трех новых государств – преемников христианской культуры. Фокус повествования переносится на Сербское королевство Стефана Первовенчанного, Болгарское царство Калояна и Великое Московское княжение Всеволода Юрьевича.

Иными словами, «своя» история для составителя хронографа первой редакции начинается только с московского князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо – в хронографе подчеркивается (и неоднократно подчеркиваться будет) как преемственность от Византии, так и дискурс родства московитов с сербами и болгарами. Что касается Киевской Руси – то преемственность между ней и Москвой не акцентируется. История древнерусских земель для составителя хронографа – не более чем фон для появления Московского государства.

Начиная с описанных выше событий, фокус внимания хронографа 1512 года будет прочно прикован к Северо-Восточной Руси. Более того – только эти земли будут именоваться «русскими» в хронографии. Если для польского историописания «русское пространство» имеет множество локализирующих факторов – определенные города, природные объекты, ментальные и культурные рубежи, то для русской хронографии единственно важную роль имеют только политические границы. В упрощенном виде формула индикации русских земель выглядит следующим образом – начиная с потомков Всеволода Юрьевича, «Русь» находится там, где Московское государство.

Хронограф западно-русской редакции, созданный по хронологии следующим после Х.Р. 1512 года, имеет одну очень яркую особенность на фоне всех прочих источников рассматриваемого типа. В тексте Х.Р. первой редакции европейской истории отводится совершенно незначительное место – менее 1% от общего корпуса

хронографа западно-русском, где материалы по русской истории по сравнению с хронографом 1512 года уменьшаются в тексте более чем в несколько раз⁴ (рис. 2). Эта редакция хронографа – единственная, для которой восточноевропейские источники действительно послужили важной основой.

Впервые славяне в этой редакции хронографа упоминаются во времена правления Юстиниана II – они вместе с арабами выступали опасными противниками для христианской Византии: «Срацъни же паче разъяришася, зле пленоваху Греческую землю, имуще с собою 20 тысящъ Словеньъ прибегших» [22, с. 126]. В следующий раз мы встречаем славян уже только при повторе летописного сюжета о призвании варягов новгородцами: «...и от техъ Варягъ прозвашася Русь, Варяги бо звахуся Русью» [22, с. 150].

Как уже упоминалось, известия хронографа западно-русского о Руси крайне скудны и обрываются после дословного заимствованного из Х.Р. 1512 года материала о Святославе Игоревиче – составителем хронографа даже не включаются в текст известия о князе Владимире и Крещении Руси (!). Более того, следующий русский князь, который упоминается после Святослава, – это уже только Иван Данилович Калита [22, с. 186].

Заключительным в ряду русских хронографов XVI века, а также своеобразным мостом между первой и второй редакциями Х.Р. служит свод 1599 года, основывавшийся на пространной редакции 50-х годов XVI века. Благодаря диаграмме⁵ (рис. 3) мы видим, что в нем появились новые разделы, один из которых для нас особенно важен – это *Московско-русские известия* (14%). Впервые именно в этой редакции Х.Р. русская история получает свои собственные независимые главы. Отметим, что отсчет русской истории составитель хронографа начина-

ет от падения Константинополя в 1453 году. Водоразделом здесь служит один пассаж, который в том или ином виде будет повторяться во всех трех редакциях русского хронографа: «Сіа оуба вся благочестиваа царствіа Греческое и Серпское, Басаньское и Арбаназское и иніи мнози

На хронологический промежуток между созданием Х.Р. 1599 года и составлением хронографа второй редакции (не ранее 1617 года) пришлось множество критических для восприятия русского человека событий: самозванцы на царском престоле, иностранные войска в столи-

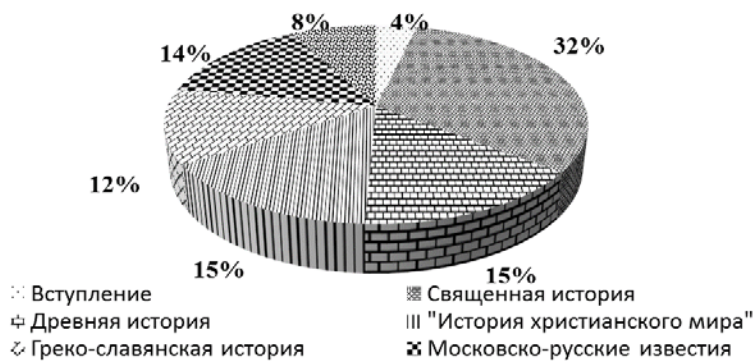

Рис. 3. Доля различных тематических разделов в Х.Р. 1599 года

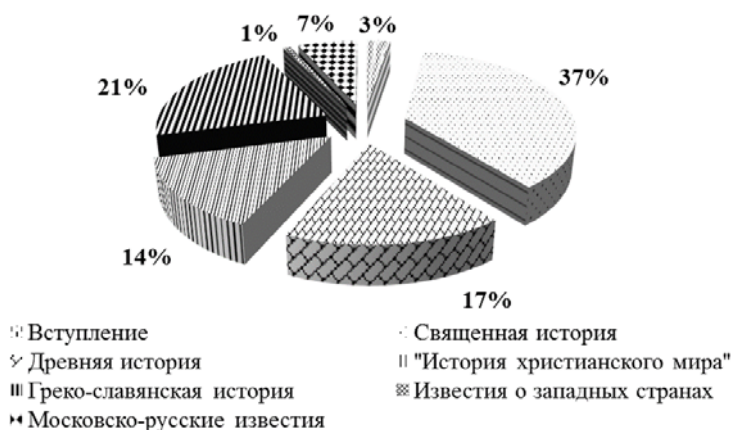

Рис. 4. Доля различных тематических разделов в Х.Р. 1617 года (распространенной редакции)

грехъ ради нашихъ Божіимъ попущеніемъ безбожніи Турци поплениша и въ запустеніе положиша и покориша подъ свою власть, наша же Росиская земля Божією милостію и молитвами пречистыя Богородица и всехъ святыхъ чудотворецъ растеть и младеетъ и возвышается, ейже, Христе милостивый, дажь расти и младеи и разширятся и до скончаніа века» [23, л. 457]. Главная идея русской истории в хронографе проявляется через антитезу: Византийская империя гибнет, а русская земля, наоборот, – расцветает и набирается сил. Когда IV крестовый поход впервые серьезно пошатнул греческое государство – на страницах хронографов сразу появилось Московское княжество. Как только же Константинополь пал окончательно, в 1453 году, – вот тогда по замыслу автора и появляется отдельная русская история: хронографы отдадут предпочтение не киевскому, но балканскому наследству.

це, хозяйственная разруха по всему государству и смена правящей династии. Череда этих явлений, объединенная в отечественной историографии в концепт «Смутное время», разумеется, имела существенное влияние на духовную жизнь и служила серьезным катализатором для исторической мысли. В частности, обширную рефлексию на эти события мы видим в следующем составленном по хронологии хронографе – Х.Р. 1617 года, также известном как хронограф второй редакции.

Этот хронограф известен нам в двух основных версиях – в распространенной⁶ (рис. 4) и общей редакции⁷ (рис. 5). Обе редакции продолжают тенденцию по приращению русских известий в текстовом корпусе: в греко-славянской истории русские сюжеты уже занимают доминирующее положение, а хронология была доведена до воцарения Михаила Федоровича Романова.

От редакции к редакции русских хронографов мы видели все больший отход от киевского наследства. Х.Р. 1617 года окончательно порывает отношения с южной Русью. Основой собственно русской истории в хронографе второй редакции считается Новгород, в то время как Киев воспринимается как нечто чужое и дале-

имело *полемический* характер, а в русской хронографии – *эволюционный*. Для исторической литературы Речи Посполитой типичной чертой было существование нескольких противоречащих друг другу мнений. Авторы хроник зачастую полемизировали между собой, отстаивая полярные друг другу позиции, – поэтому тяже-

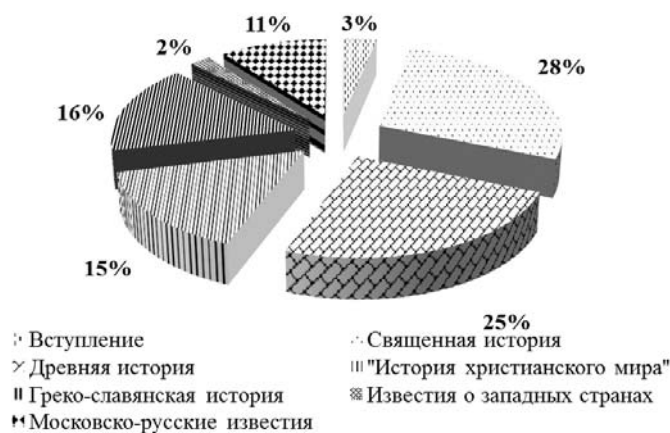

Рис. 5. Доля различных тематических разделов в Х.Р. 1617 года (общей редакции)

кое: «...по **некоемъ ихъ** (выделено мной. – *И.П.*) князе имянемъ Кіа, отъ него же и градъ создан бысть Кіевъ, обладаху племянники его Оскольдъ и Дирь...» [24, л. 136].

Даже при проведенном беглом анализе известий о русской истории и географии в хронографах становится очевидным, что Киевская Русь, тождественная русской земле в узком смысле, не воспринималась в московской хронографии начальной точкой своей истории. Также отметим, что процесс собирания земель из древнерусского наследства в рассмотренных источниках не представлялся как восстановление некоей исторической справедливости, когда разрозненные русские земли-осколки вновь сложились в единое целое под скипетром православного царя. Интересно отметить, но даже польско-литовские книжники куда выше оценивали роль и место русских земель в собственной истории. Русская проблематика практически во всех исследованных нами нарративах, созданных на территориях Речи Посполитой, занимала второе место по значимости после вопросов истории собственного народа. Польские и литовские авторы приложили куда больше интеллектуальных сил к проблеме адаптации древнерусского наследства в контексте восточноевропейской истории, чем составители хронографов.

Также, сравнивая стратегии интерпретации «русского пространства» в рамках двух исторических традиций, необходимо отметить, что развитие дискурсов землеописания и истории русских земель в польско-литовских нарративах

ло говорить о том, что в польско-литовском историописании сложился какой-либо нарративный канон при описании русских земель. Для хронографов же справедливо прямо противоположное суждение – составители текстов культивируют одни и те же идеи. В русской хронографии мы видим плавную эволюцию положений о разрыве с киевским/южнорусским наследием в пользу культурной автаркии северных регионов Руси. В свою очередь, когда земли из древнерусского наследства присоединялись к Московскому государству, то происходило это не столько под флагом воссоединения, сколько представлялось *спасительным* присоединением – вошедшим в состав Московского царства регионам оказывалась милость находиться под властью православного царя. Только находящиеся в составе царства земли могли называться, по мнению составителей хронографов, «русскими».

Подтверждается это и в пассажах источников, в которых повествование затрагивает вопросы идентичностей. В польско-литовских нарративах этнонимы «русь/русский/русский...» транслируются на все восточнославянское пространство. Лишь к исходу XVI века эта территория в источниках дробится на составные части (Красная, Белая, Черная Русь), что ведет к определенной спецификации этнонимов. Тем не менее в исторических нарративах, происходящих с территорий Польши и Литвы, часто можно встретить идеи славянского единства, где «русь» превращается в надрегиональную скрепляющую идентичность (например, в тексте Матея

Стрыйковского). Но ничего подобного мы не найдем в русских хронографах: составители источников закрепляют монопольное право на «русскость» только за территориями, входящими в состав Московского государства, и отказывают в ней своим соседям. Даже балканские славяне русскими книжниками рассматривались как более близкие народы, чем население территорий современных нам Белоруссии и Украины.

На интеллектуальных полях сражений польско-литовские книжники чаще всего выбирали для своего государства роль защитника русских земель, с которыми Речь Посполитая была связана многовековыми узами, что автоматически выставляло Москву в качестве несправедливого завоевателя. Составители хронографов в Московском царстве отнеслись с пренебрежением к этому вызову – летописцы даже не пытались полемизировать с западными соседями, чтобы опровергнуть их нарративные построения. Русские книжники пошли по своему уникальному пути, создав собственную модель интерпретации экспансии Москвы на земли из древнерусского наследия. Присоединенные земли спасались от католического Запада и снова обретали свою «русскость» – такую магистральную нарративную стратегию получило собирание русских земель Московским царством в XVI – первой четверти XVII века.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований: «Свои» и «чужие»: феномен пограничья в Средние века и раннее Новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения регионов», проект 15-21-01003 а(м).

Примечания

1. До сочинения Бельского мы имеем лишь переводы на польский язык уже существующих латинских текстов. Например, «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского был сразу переведен Станиславом Хвальчевским, но его труд не нашел сочувствия у издателей и был опубликован только лишь в XIX веке.

2. Сделаем ударение именно на словосочетании «славянских авторов» – в западной географии русские земли уже задолго до этого подверглись ментальному раздроблению. На славянской же почве первым подобные идеи были высказаны Яном Ласким (старшим) в его сочинении «De Rutenorum nationibus earumque erroribus scriptum Johannis de Lasco...».

3. Данная диаграмма построена на основе опубликованного текста Х.Р. 1512 года по изданию: ПСРЛ. Т. 22. Русский Хронограф. Вып. 1. Хронограф редакции 1512 года [21].

4. Данная диаграмма построена на основе опубликованного текста Х.Р. 1512 года по изданию: ПСРЛ. Т. 22. Русский Хронограф. Вып. 2. Хронограф западно-русской редакции [22].

5. Данная диаграмма построена на основе рукописного списка: Книга глаголемая Гранограф сиречь летопись [1599] [23].

6. Данная диаграмма построена на основе рукописного списка: Книга глаголемая Гранограф сиречь летопись [1617, распространенный] // НИОР БАН. 32.5.2.

7. Данная диаграмма построена на основе рукописного списка: Книга глаголемая Гранограф сиречь летопись [1617, общей редакции] [24].

Список литературы

1. Ведюшкина И.В. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1993. С. 101–117.

2. Клосс Б.М. О происхождении названия «Россия». М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 152 с.

3. Котляр Н.Ф. Изменчивость представлений о Русской земле в летописных контекстах XI – XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2006. С. 104–115.

4. Markowska W. Literatura Polska epoki Odrodzenia. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1956. 237 s.

5. Borkowska U. Treści ideowe w dziełach Jana Długosza: Kościół i świat poza Kościołem. Lublin: WUL, 1983. 200 s.

6. Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М.: Северный паломник, 2007. 272 с.

7. Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской Истории» Яна Длугоша (книги I–VI). М.: Памятники исторической мысли, 2004. 495 с.

8. Кибинь А.С. Ян Длугош, Русь как продолжение Польши и Дулеб, прародитель Дулебов // Исторический формат. 2015. № 4. С. 297–311.

9. Borzemski W. Kronika Miechowity. Kraków: Wyd. hist.-filozof, 1891. 199 s.

10. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и комментарии С.А. Аннинского. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1936. 288 с.

11. Михайловская Л.Л. Судьба «Хроники Бернарда Ваповского». Археографическое исследование // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 2. 2005. С. 178–181.

12. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 320 с.

13. Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi. wyd. w Królewcu, 1582. 528 s.

14. Карнаухов Д.В. Концепция ранней этнической истории Руси и Московии в хронике Мартина Кромера // Российская история. М., 2009. № 1. С. 180–188.

15. Kromer M. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Basel, 1555. 810 s.

16. Карнаухов Д.В. Moschi unde: развитие представлений о происхождении «московского народа» в польской историографии эпохи Возрождения // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 10–17.

17. Bielski M. Kronika wszystkiego świata... Kraków, 1564. 982 s.

18. Мылников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности. XVI – начало XVIII века. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. 400 с.

19. Strykowski M. Kronika Polska, Litewska i wszystkiej Rusi. T. 1. Warszawa: Druk. Leona Glucksberga, 1846. 392 s.

20. Guagnini A. Kronika Sarmacyey Europejskiej.

Książ III. Część I. O Ruskich

Xięstwach, y Narodziech ich. Krakow, 1611. 44 s.

21. ПСРЛ. Т. 22. Русский Хронограф. Вып. 1. Хронограф редакции 1512 года / Ред. С.П. По-

References

1. Vedyushkina I.V. «Rus'» i «Russkaya zemlya» v Povesti vremennykh let i letopisnykh stat'yah vtoroj treti XII – pervoj treti XIII v. // Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy. M., 1993. S. 101–117.

2. Kloss B.M. O proiskhozhdenii nazvaniya «Rossiya». M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2012. 152 s.

3. Kotlyar N.F. Izmenchivost' predstavlenij o Russkoj zemle v letopisnykh kontekstah XI – XIII vv. // Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy. M., 2006. S. 104–115.

4. Markowska W. Literatura Polska epoki Odrodzenia. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1956. 237 s.

5. Borkowska U. Treści ideowe w dziełach Jana Długosza: Kościół i świat poza Kościołem. Lublin: WUL, 1983. 200 s.

6. Shchavelev A.S. Slavyanskie legendy o pervykh knyaz'yah. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie modelej vlasti u slavyan. M.: Severnyj palomnik, 2007. 272 s.

7. Shchaveleva N.I. Drevnyaya Rus' v «Pol'skoj Istории» Yana Długosha (knigi I–VI). M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2004. 495 s.

8. Kibin' A.S. Yan Długosh, Rus' kak prodolzhenie Pol'shi i Duleb, praroditel' Dulebov // Istoricheskij format. 2015. № 4. S. 297–311.

9. Borzemski W. Kronika Miechowity. Kraków: Wyd. hist.-filozof, 1891. 199 s.

10. Mekhovskij M. Traktat o dvuh Sarmatiyah / Vved., per. i kommentarii S.A. Anninskogo. M. – L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1936. 288 s.

11. Mihajlovskaya L.L. Sud'ba «Hroniki Bernarda Vapovskogo». Arheograficheskoe rassledovanie // Krynicaznaŭstva i specyjal'nyya gistorychnyya dyscypliny. Vyp. 2. 2005. S. 178–181.

12. Myl'nikov A.S. Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoj Evropy. Ehtnogeneticheskie

znanova. SPb.: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1911. 568 s.

22. ПСРЛ. Т. 22. Русский Хронограф. Вып. 2. Хронограф западно-русской редакции. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1914. 289 с.

23. Книга глаголемая Гранограф сиречь летопись [1599] // НИОР БАН. 31.6.27. 652 л.

GATHERING THE LEGACY OF ANCIENT RUS': DISCOURSES OF HISTORY AND GEOGRAPHY OF RUSSIAN LANDS IN CHRONOGRAPHS OF THE 16TH AND THE FIRST QUARTER OF THE 17TH CENTURY AND IN THE POLISH-LITHUANIAN HISTORICAL NARRATIVE

I.A. Prokhorenkov

The interpretation of «Ancient Rus'» as a starting point in the history of the East Slavic world is very common in the modern historiography. Using narrative sources of the 16th and the first quarter of the 17th century, we aim to identify the main narrative discourses of ancient Russian history in these sources. During the studies of the relevant subjects in the Russian chronographs and Eastern European narratives, we can understand the place of the legacy of «Ancient Rus'» in a global context and in the history of different medieval states according to the scribes.

Keywords: Ancient Rus', chronographs, East-European chronicles, Time of Troubles.

24. Книга глаголемая Гранограф сиречь летопись [1617, общей редакции] // НИОР БАН. 34.2.29. 574 л.

legandy, dogadki, protogipotezy XVI – nachala XVIII veka. SPb.: Centr «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1996. 320 s.

13. Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi. wyd. w Królewcu, 1582. 528 s.

14. Karnauhov D.V. Koncepciya rannej ehtnicheskoy istorii Rusi i Moskovii v hronike Martina Kromera // Rossijskaya istoriya. M., 2009. № 1. S. 180–188.

15. Kromer M. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Basel, 1555. 810 s.

16. Karnauhov D.V. Moschi unde: razvitie predstavlenij o proiskhozhdenii «moskovskogo naroda» v pol'skoj istoriografii ehpori Vozrozhdeniya // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2009. № 2. S. 10–17.

17. Bielski M. Kronika wszystkiego świata... Kraków, 1564. 982 s.

18. Myl'nikov A.S. Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoj Evropy. Predstavleniya ob ehtnicheskoy nominacii i ehtnichnosti. XVI – nachalo XVIII veka. SPb.: Centr «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1999. 400 s.

19. Strykowski M. Kronika Polska, Litewska i wszystkiej Rusi. T. 1. Warszawa: Druk. Leona Glucksberga, 1846. 392 s.

20. Guagnini A. Kronika Sarmacyey Europejskiej. Książ III. Część I. O Ruskich Xięstwach, y Narodziech ich. Krakow, 1611. 44 s.

21. PSRL. Т. 22. Русский Хронограф. Вып. 1. Хронограф редакции 1512 года / Ред. С.П. Розанова. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1911. 568 с.

22. PSRL. Т. 22. Русский Хронограф. Вып. 2. Хронограф западно-русской редакции. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1914. 289 с.

23. Книга глаголемая Гранограф сиречь летопись [1599] // НИОР БАН. 31.6.27. 652 л.

24. Книга глаголемая Гранограф сиречь летопись [1617, обшчей редакции] // НИОР БАН. 34.2.29. 574 л.